

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Идея воспитания в философии Ф. Ницше: аксиологический аспект

Косорукова Александра Андреевна

Соискатель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: a.kosorukova@yandex.ru

Идея воспитания в философии Ф. Ницше определяется через основные ценности и смыслы человеческой практики, понимание которых задается в концепции воли к власти. Можно выделить следующие линии ценностных ориентиров в данной теории.

Воля к власти, по Ницше, есть первичная реальность мира, предшествующая разуму. Развитие логического сознания должно быть дополнено воспитанием качеств воли и эмоциональной сферы («дионисийского»). Это диктуется представлением о «единстве жизненных сил, дионисического элемента, и любви к форме и красоте, характерной для аполлонической установки» [Коплстон, 2004, с. 445].

Самопреодоление, постоянное преодоление обыденного «человеческого, слишком человеческого» является важнейшей характеристикой сверхчеловека, т.е. как предпочитаемое – моральным качеством. Предпочитаемое выступает здесь как соответствующее истине вещей, которая задает сущность жизни как «того, что должно всегда преодолевать себя» [Schutte, 1984, с. 32].

Критерий возрастания воли к власти как критерий ценности указывает на идею роста и прогресса, которая должна пронизывать все воспитываемые качества, и – в соответствии с «законом» воли к власти – быть преодолением любого «качества», становясь выше ограниченностей.

Концептуальное различие морали рабов и морали господ является некоторым образом и оценками-ориентирами в поле морального сознания. Характерные для морали рабов чувства обиды («ressentiment»), слабости, страха перед стихией жизни, порождающие ««Нет» всему «внешнему», «иному», «несобственному»» [Ницше, 1990, с. 424] – являются антиценностью. Свойственные моральному произволению «господина» жизненная сила и свобода – ценностью и ориентиром.

Аксиологические идеи о высших ценностях уточняются непосредственным рассуждением о воспитании человеческого существа, которое осуществляется в «Несвоевременных рассуждениях» - в части «Шопенгауэр как воспитатель».

Во-первых, Ницше задает идею педагогики как воспитания здоровой, крепко стоящей на ногах и целостной жизни. В данном случае, оказываются неважны различия частных целей – развивать одну главную или все равно-невыдающиеся способности: в жизни нельзя отделить одну от остальных, и развивать все существующие (не замечая большую способность некоторых), которые сравниваются с «периферией» некоторого «центра», логически предполагающей последний. Это уточняет идею воспитания «дионисийского» в дополнение логическому «аполлоническому» сознанию, которое питают витальные силы последнего. Возрастание воли к власти есть в данном случае можно трактовать как выход за односторонность логического сознания.

Во-вторых, идея отрицания понимается как центральная сила, обладающая конструктивным значением. В этой связи, Ницше формулируется задача «сделаться поряд-

ком злее», что уточняется как отрицание «всякого бытия, которое можно отрицать», и которое «тем самым... заслуживает отрицания» [Ницше, 1994]. Данное утверждение уточняется через понятие верности истине, истинному и правдивому бытию – как раз тому, которое невозможно отрицать, и которое среди множества правил-образцов жизни будет ненадуманым и реальным. В связи с этим отрицание является важным механизмом и самопреодоления воли – отрицание всякого ее содержания, которое можно отринуть как низкое, ограниченное или неважное.

В-третьих, особым аспектом отношения к образцам жизни, к которым следует стремиться, является отрицание относительности взгляда на них. По Ницше, тот, кто видит некоторые образы правильной (как ему кажется) жизни, образы тех или иных профессий, семейных статусов (человек как момент в развитии поколений) и других предзаданных значений – «тот не понял урока, заданного ему бытием» [Ницше, 1994]. Образцы, будучи вписанными в некоторую последовательность «становления», т.е. меняющихся элементов, релятивизируются и обесцениваются, а человек делается субъектом выбора относительных ценностей. «Задача, заданная бытием», и предполагающее выход за пределы относительных целей, задает некоторую апофатическую абсолютность бытия субъекта – возвращаться к своему «быть» из рядов относительности и выбирать (создавать) смыслы заново.

В-четвертых, через раскрытие понятия отрицания и выхода из относительности становления создается особый контекст понимания освобождения как задачи истинного воспитания: «Твои воспитатели могут быть только твоими освободителями» [Ницше, 1994]. Высшая цель воспитания – раскрытие и совершенствование личности, будучи подвергнуто вопросу о сущности «Я» человека, оказывается, по Ницше, сомнительной в своей возможности, так как «Я» постигается «неподдающимся никакому руководству» [Ницше, 1994]. Остается возможным только освобождение – то, что будит движение воли и мысли. В отношении воли подлинное освобождение можно трактовать в духе вышесказанного – через действие в ней преодоления и возрастания в себе. Но и мысль, будучи эпифеноменом воли, также должна быть освобожденной от пагубной инертности. В связи с этим Ницше говорит о движении, деятельности ума как деятельности по концептуализации причин и целей наличной жизни, или наличествующей ситуации в жизни.

Таким образом, этические идеи о высшем благе принимают форму размышления о ценностном статусе различных видов жизненных установок и вкладывают в идею воспитания (прежде всего, самовоспитания) значение развития воли самой себя в ее важнейшем устремлении к высшему.

Литература

1. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше. М., 2004.
2. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М., 1990.
3. Ницше Ф. Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель // <http://lib.ru/N> (опубликовано по изданию: Ницше Ф. Сочинения в 3-х томах. Т. 2. М., 1994).
4. Schutte O. Beyond nihilism: Nietzsche without masks. Chicago; London, 1984.